

Л.Е.Бушканец

ЛИТЕРАТУРОВЕД В ПРОВИНЦИИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ПОДВИЖНИК

Материалом статьи стал личный архив казанского литературоведа Е.Г.Бушканца, в котором хранятся до сих пор неопубликованные письма известных литературоведов страны второй половины XX века. Эти материалы позволяют поставить важные вопросы истории литературоведения, связанные, в том числе, с анализом типа личности провинциального литературоведа. Безусловно, тип личности определял специфику интерпретации литературы, выбор «героев» исследований, методологии и пр. Но главное, тип личности определял характер культурной среды провинциального города, на формирование которого литературоведы оказывали большое влияние, что влияло на статус литературоведа в провинциальном городе. Этот тип личности может быть определен как «культурный подвижник», он прочно связан с традициями российской интеллигенции XIX века. К такому типу личности принадлежал и В.В.Мусатов.

Ключевые слова: история литературоведения, культурный подвижник, эпистолярное наследие, Е.Г.Бушканец

История литературоведения — одна из актуальных задач нашей науки. Но при этом важно обсудить не только такие вопросы, как роль литературоведения как социального института в разные эпохи, история научных школ, направлений и идей. Любая наука «делается» конкретными людьми, и картина мира, система ценностей, личный научный и человеческий уровень учёных не менее важны для понимания закономерностей её развития. В последние годы личность филолога прежде всего обсуждается в связи с публикацией переписки, при этом, конечно, широкой публике интереснее всего фигуры «столичных» исследователей (М.К.Азадовский, Ю.Г.Оксман, Н.М. и Е.И.Дружинины и др.) ([1-10]), и это понятно: многие достижения, методологические открытия, конечно, делались в столицах, хотя были ведущие ученые, которые вынужденно и / или временно работали в провинции (М.М.Бахтин в Саранске, А.П.Скафтымов в Саратове, Ю.М.Лотман в Тарту).

Но во многих провинциальных университетах как важнейших провинциальных культурных центрах были известные литературоведы. Чаще один, много реже два-три человека — если университету «повезло» и сформировалась научная школа. Это, например, В.В.Мусатов в Новгороде, Н.М.Чернышевская, Т.И.Усакина, П.А.Бугаенко, А.А.Демченко в Саратове, С.А.Орлов, Л.М.Фарбер, М.Я.Ермакова, Н.М.Фортунов в Нижнем Новгороде, Ю.В.Лебедев в Костроме, П.В.Куприяновский, Л.А.Розанова в Иванове, М.М.Гин в Петрозаводске, А.М.Гаркави в Калининграде, Н.С.Травушкин в Астрахани, П.Ф.Рейфман и С.А.Исаков в Тарту, П.С.Бейсов в Ульяновске, М.Т.Пинаев сначала в Кирове, потом в Волгограде, Горьком и, наконец, Москве, и многие другие¹.

Ученые, которые всю жизнь провели в одном или нескольких провинциальных университетах (иногда приходилось по разным причинам — предложили должность заведующего кафедрой, квартиру, возник конфликт с областной властью и пр. — менять один провинциальный город на другой), были не просто кабинетными исследователями и не могли посвятить себя только науке. Они были администраторами (деканами и заведующими кафедрами), организаторами конференций, издателями сборников, краеведами, экскурсоводами для гостей конференций, часто — поэтами, ведущими литературных объединений, лекторами общества «Знание» и прочее и прочее. Все это требовало времени — но не всегда можно говорить о том, что это было время, отнятое у науки, так как эти люди были деятелями, в силу особенностей личности проявлявшими себя в разных сферах и создающими вокруг себя культурную среду. Именно потому их помнят ученики, их именами называют конференции — это важный институт памяти в научной среде.

В статье мы реконструируем некоторые черты такого важного культурного типа, как провинциальный литературовед. Материалом статьи являются личный архив литературоведа — частная переписка ученых из архива Е.Г.Бушканца.

Ефим Григорьевич Бушканец (1922—1988) — выпускник Казанского университета (1940—1948 гг. с перерывом на годы войны), еще студентом сделал ряд открытий в архивах. 20 лет работал заместителем директора по науке Государственного музея Татарии (ныне — Национальный музей Республики Татарстан). В 1955 году в Саратовском университете защитил кандидатскую диссертацию, и определились его научные интересы: история общественной мысли России XIX века и ее связь с литературой. В 1963 году в Пушкинском Доме (ИРЛИ) Е.Г.Бушканец защитил докторскую диссертацию (оппоненты — акад. М.В.Нечкина, чл.-корр. АН СССР П.Н.Берков, д. филол. наук Ф.Я.Прийма). Е.Г.Бушканец участвовал в работе группы по изучению революционной ситуации в России под руководством М.В.Нечкиной. С 1965 г. и до смерти в 1988 г. Е.Г.Бушканец заведовал кафедрой литературы Казанского педагогического института, занимался творчеством А.Герцена, Л.Толстого, В.Короленко, М.Горького, И.Тургенева. В архиве литературоведа сохранилось несколько тысяч писем, некоторые из которых (письма Ю.Г.Оксмана, В.А.Каверина, Н.Я.Эйдельмана и др.) уже были предметом нашего исследовательского внимания ([11, 12]).

¹ Здесь мы назвали в том числе тех литературоведов, о которых будет идти речь далее в цитируемых письмах. В сносках будут комментироваться некоторые значимые для понимания писем имена провинциальных ученых. Упоминания известных литературоведов не комментируются.

Частная переписка отражает эпоху, состояние литературоведения как социального института. Ситуация в провинции была тяжелее, чем в столицах. Выбор места работы в провинциальном городе ограничен. 1950—80-е годы были временем многочасовых партсобраний, многочисленных справок, очень сложно было напечатать книгу или статью, сборник (напечатание любой книги, даже небольшой по объему, было событием в жизни ученого). Вся работа шла при пристальном внимании «руководителей» науки в обкомах и горкомах партии и пр. Возможность получить кафедру тоже зависела от партийного руководства. Так, вопрос о приглашении Е.Г.Бушканца, как и в случае со многими другими, на заведование кафедрой в педагогическом институте был сначала решен в обкоме партии Татарии.

Не случайно Г.Б.Курляндская писала 8.02.1968:

«Обращаюсь к Вам с великой просьбой написать очень краткий отзыв на мою книгу «Метод и стиль Тургенева-романиста». Сейчас у нас в Орле открылась возможность переиздать книгу, и требуются срочно отзывы на нее. За то дело взялся Обком партии. Для ориентации я высылаю Вам тот отзыв, который в свое время писал А.И.Ревякин на мою диссертацию как внешний отзыв. Чтобы Вам особенно не думать, используйте его, конечно, немного изменив. Только очень прошу поскорее выслать отзыв. Всё дело горит, и я могу лишиться этой возможности переиздать книгу. Простите за обращение к Вам, за несколько торопливое письмо. Но я надеюсь на Вашу дружескую поддержку»². Так что вопрос об издании книги решался, как тогда говорили, «на высшем уровне», хотя тираж литературоведческих изданий был несравненно больше, чем сейчас. Вот письмо от 27.03.1969:

«Обращаюсь к Вам опять с утилитарной целью.

С Вашей помощью и с помощью некоторых других своих друзей я добилась переиздания книжки «Метод и стиль Т.» Она выйдет в переработанном и немного расширенном виде. Но Орёл в этом деле пошел на жертвы, риск, вернее: он взял на себя 8 тыс. экземпляров книги. Из благодарности я принимаю участие в её распространении. Просьба моя к Вам в следующем. Не могли бы Вы оказать воздействие на свой казанский книготорг с тем, чтобы он сделал заявку на мою книгу по адресу: Орёл, ул. Московская, 17. Дом книги. Книготорг. Мне немного стыдно обращаться к Вам с такой просьбой. Но необходимость вынуждает. Книжка в таком количестве не раскупится в нашем небольшом городке»³.

По поводу провинциальной атмосферы писал самарский ученый А.Я.Роткович (4.05.1971):

«Получил от З.Е.Либензона письмо, в котором хорошее смешано с горьким. Его диссертация принята к защите в Герценовском институте, назначены оппоненты. Так как в организации этой защиты я сыграл некоторую роль (договорился с председателем Совета С.Г.Ильенко), он посвящает меня во все детали дальнейших событий и выражает надежду, что успеет защитить еще до инфаркта. А инфаркт у Л.М.Фарбера. Он, наконец, утвержден, но пока прикован к постели. Да и на работе у него неважно. Не знаю, как и писать ему, с чем поздравлять. С болезнью, с дрязгами, которые его оплели...»

И вот остросовременное письмо А.Я.Ротковича от 8.06.1974, написанное им незадолго до смерти (1975) Е.Г.Бушканцу, в свою очередь недавно перенесшему инфаркт:

«В последнее время я серьезно прихварывал (сердечная недостаточность, аритмия) и не мог написать Вам. Теперь мне лучше, да и Вы, как мне пишут, поправляетесь после болезни, так что мы можем возобновить нашу дружескую переписку. Мы очень переутомляемся, часто разъезжаем, много нервничаем, почти не отдыхаем, — надо подумать о более рациональном режиме жизни. Организационная работа и заседательская суэта занимают основную часть нашего рабочего времени, как будто мы и не научные работники. Вот и теперь я откладываю из месяца в месяц свои основные дела во имя повседневной текучки. Отдохните хорошенько хоть сейчас, дорогой Ефим Григорьевич, наберитесь сил для будущего учебного года, который ведь тоже будет не легким. Едва ли есть объективная польза от того, что мы плохо отдыхаем и работаем на износ. Выздоровливайте».

Все это порождало чувство одиночества, зависимости от внешних обстоятельств, замкнутости жизни и зачастую формировало драматическое мироощущение.

В условиях тяжелой внешней среды важной была взаимная поддержка при публикациях, переписка, общение на конференциях. Это позволяло поддерживать уровень научной работы, давало ощущение себя как части той группы людей, которые сохраняли традиции интеллигенции XIX века. Отсюда, несмотря на тяжелые условия, стремление выполнить свой долг — научный, организаторский, преподавательский и пр.

Вот, например, письма, связанные с подготовкой научной конференции литературоведов Поволжья в Казани. Зональное отделение литературоведов Поволжья и сейчас продолжает свою деятельность, только литературоведов в Поволжье теперь очень мало. Е.Г.Бушканец заведовал кафедрой в Педагогическом институте и был в сложных отношениях с литературоведами Казанского университета. Все это отразилось в письмах. Но нас больше интересует сам стиль писем, пронизывающее их чувство ответственности — столь странное в наше время. А.Я.Роткович писал 14.12.1966:

«С величайшим недоумением и обидой мы прочитали недели три тому назад пригласительное письмо на научную конференцию, в котором не было упомянуто ни Поволжское зональное объединение литературоведческих кафедр педвузов, инициатор этих конференций, ни Казанский педагогический институт,

² При цитировании сохранены особенности индивидуального словоупотребления и синтаксиса авторов писем.

³ Е.Г.Бушканец обратился в Книготорг, но о результатах нам не известно.

которому в Волгограде, наряду с университетом, была поручена организация конференции, в знак чего Вы и были избраны зам. председателя оргкомитета.

Если это не недоразумение, которое можно легко устранить, то положение создается довольно фальшивое. Каждый год мы испрашиваем разрешение провести (в последние три года совместно с экспертной комиссией) конференцию у нашего министерства. Дав нам разрешение, министерство обязывает педвузы (в том числе и те поволжские вузы, которые не входят в компетенцию экспертной комиссии) беспрепятственно командировать своих работников на зональную конференцию, соответствующему педвузу отпускаются средства и бумага на печатание «трудов» или хотя бы тезисов. Что же будет в этом году? Заявка нами была подана и утверждена, но В.А.Бочкарев, будучи в Москве, показал приглашение, в котором не числится ни Зональное объединение, ни Казанский институт. Создается впечатление, что нас приглашает Казанский университет. Из ГУВУЗа я уже получил письмо по этому поводу. Не знаю, что им ответить. Почему в течение семи лет пединституты играли активную роль в организации своей научной жизни, а теперь отказались от этого?

Есть тут и второй вопрос. Н.А.Гуляев был только на одной конференции из семи, Л.Г.Юдкевич⁴ не был ни на одной. Гуляев не ладит с Пехтелевым⁵. Всем им, вместе взятым, глубоко безразличны интересы пединститут, кадров они не знают, с людьми, с которыми мы сроднились за много лет работы, не знакомы, некоторые аспекты работы (напр., методический) их совершенно не интересуют. Как известно, саратовские товарищи обычно ограничиваются одним-двумя циркулярными письмами. Выходит, что всякая преемственность в нашей работе устраняется, и все начинается заново. А ведь нами накоплены какие-то навыки, традиции, методы обращения с людьми, и люди к этому привыкли.

Особенно нас беспокоит судьба тех кафедр, которые не входят в зону обслуживания экспертной комиссии, но которые, как и куйбышевцы, казанцы, ульяновцы были инициаторами наших конференций. Я имею в виду горьковчан, оренбуржцев и др. Их ведь просто могут не пустить на конференцию, организованную в другом координационном центре.

<...> Но важнее другое. За семь лет мы помогли очень многим товарищам защитить кандидатскую диссертацию, прикрепиться к вузам и руководителям, поступить в аспирантуру. В нашем объединении выросли докторские диссертации Бочкарева, Машбиц-Верова, Пинаева, Фарбера, покойной Слободской. Последние две мои книги создавались на глазах у объединения и с его помощью. Поэтому мы, куйбышевцы, и Бейсов, и Фарбер, и Пинаев, и многие другие не хотят ломать организацию, которая складывалась годами.

Прошу, Вас, Ефим Григорьевич, написать, почему так получилось. Просто ли пренебрегли «формой», или так было указано экспертной комиссией, или распорядился Н.А.Гуляев, или Вы отказались участвовать в организации конференции. Мне надо ответить на запрос ГУВУЗа (возможно в конце месяца я буду сам в Москве), и я хотел бы знать, в чем дело».

26.12.1966 он же пишет, поздравляя Е.Г.Бушканца с утверждением после многолетних проблем с его докторской диссертации в ВАКе:

«Примите мои самые сердечные поздравления. Вот уж подлинно — «бог правду видит, да не скоро скажет». Впрочем, и мне в жизни никогда ничего легко не давалось. На все уходят силы, за все приходится расплачиваться своими нервами. Я к этому привык.

От Н.А.Гуляева и Л.Г.Юдкевича получил письма с извинениями. Формально конфликт исчерпан, правда, только формально. Я потребовал от Юдкевича, во-первых, ничего не предпринимать без Вас и, во-вторых, прислать нам заявки, как они пока сложились, чтобы путем индивидуальной переписки с работниками вузов добиться формирования тематики и персонального состава конференции в том духе, как это требуется в нынешнем юбилейном году. Я объяснил ему, что неорганизованный характер заявок в этом году вызван тем, что педвузы сбиты с толка их первым письмом.

Надеюсь, что мы все же добьемся того, что конференция будет подготовлена правильно. <...> Если будете писать П.С.Бейсову, попросите и его вылить ковш холодной воды на университетских зазнаек.

Меня очень беспокоит вопрос о пленарных заседаниях. Ведь мы договаривались о том, что на пленарных заседаниях наши ведущие товарищи выступят с обзорными докладами по своим разделам. О таких докладах надо договариваться персонально с каждым докладчиком. С потолка это не делается. Н.А.Гуляев пишет, что в Москве и Ленинграде он будет договариваться с ИМЛИ и ИРЛИ об участии их представителей в конференции. Это неплохо, но главную роль на пленарных заседаниях должны играть наши работники. Было бы недурно, если бы на конференции выступил М.Б.Храпченко, который держит в своих руках нити всех исследований в области филологии. Мы могли бы с ним договориться».

⁴ Н.А.Гуляев с 1959 г. заведовал кафедрой литературы, затем — кафедрой русской и зарубежной литературы, кафедрой теории литературы Казанского гос. университета. В 1962—1968 гг. — декан историко-филологического факультета КГУ, с 1 сентября 1972 г. работал в Калининском гос. университете. Л.Г.Юдкевич работал в Казанском университете с 1944 г., с 1964 г. доцент кафедры русской и зарубежной литературы; с 1967 по 1972 гг. возглавлял кафедру журналистики КГУ, затем вновь (до 1980 г.) доцент кафедры русской и зарубежной литературы.

⁵ И.Г.Пехтелев — профессор Казанского гос. пед. института, с 1962 года первый заведующий кафедрой журналистики на историко-филологическом факультете Казанского университета.

Но обсуждение подготовки конференции продолжается 17.04.1967: «Напишите нам, пожалуйста, о конференции. Мы тоже не знаем, когда она будет. Как-то давно, Н.А.Гуляев писал, что ОБКОМ КПСС соглашается только на конец апреля. <...> Пусть дело идет так, как идет, надеюсь, что наше объединение не развалится, об этом я забочусь, поддерживая переписку с большинством кафедр».

Наряду с положением литературоведа в обществе очень важным является еще один вопрос. Е.Тоддес размышлял о том, что отношение к советской идеологии, в условиях которой происходило становление и творческая работа литературоведа, можно обозначить как «адаптацию и интериоризацию», т.е. невольное согласие в рядом мировоззренческих установок, неизбежное для самооправдания и самосохранения [13]. Скорее всего, было иначе. Провинциальная научная (литературоведческая) интеллигенция была близка к народническому типу, для которого характерны ориентация на деятельное отношение к действительности, стремление просвещать и выполнять свой долг.

Это обуславливало выбор тем для исследований. Интерес к творчеству писателей-демократов, к общественному движению не был данью официальной идеологии и стремлением сделать карьеру. Ощущая себя наследниками разночинной интеллигенции, литературоведы обращались к жизненному опыту этих авторов как лично значимому для себя, это был опыт жизни в драматичных обстоятельствах эпохи, убеждение, что человек должен служить обществу. Интерес к «полузапрещенной» литературе Серебряного века в этой ситуации был проявлением другой стороны внутреннего диссидентства.

Вот несколько примеров. Это письмо орловского историка литературы В.Громова от 7.05.1984: «Полностью разделяю Вашу мысль о том, что Черн<ышевский> и Добр<олюбов> не “генералы без армии”, а действительные властители дум своего времени — очень богатого интереснейшими людьми, каждый из которых многое мог, а иные и многое успели сделать, как, например, тот же Бибииков».

Провинциальный литературовед ощущал себя культурным деятелем и гордился этим. Именно поэтому в переписке большое место занимают «миниотчеты» о проведенных конференциях, лекциях. Г.Б.Курляндская 22.02.1975 писала:

«Не писала Вам целую вечность! Как Ваше здоровье? Как полечились? Как работаете теперь? Собираетесь ли на майскую конференцию, “ревякинскую”?»

Мы провели тургеневскую конференцию очень активно, были прения и даже споры у Гутмана⁶ со мной. Наш четвертый тургеневский сборник скоро появится в свет, и я сразу вышлю Вам. Ваше предложение написать рецензию на третий и четвертый межвузовский тургеневский сборник нас очень радует, и мы, орловцы, будем Вам очень признательны. Я надеюсь, что Машинский возьмет эту рецензию для журнала. Я поговорю с ним об этом.

В ноябре мы провели Лесковскую конференцию с участием многих лесковедов из других городов, Бухштаба, например. Он очаровал нас своей личностью. Теперь будем собирать лесковский сборник».

Многие упомянутые в данной статье литературоведы регулярно лично общались на заседаниях Ученой комиссии по литературе Министерства Просвещения РСФСР (такие комиссии были по всем предметам). Эта комиссия решала методические вопросы, связанные с деятельностью кафедр литературы, готовящих учителей для школы. В отдельные годы комиссия собиралась раз в два-три месяца. 22.12.1987 Г.Б.Курляндская жалеет:

«Все мы живем в разединении и только вспоминаем заседания Ученой комиссии по лит<ературе>-ре, когда встречи нас так щедро обогащали. Во второй половине сентября 1988 г. собираемся проводить тургеневскую конференцию. Приезжайте к нам — с докладом или без доклада. Важно побывать на родине Тургенева. Приезжайте! Напишите, пожалуйста, о себе, своих занятиях и замыслах». И снова чуть позже: «Я понимаю Вашу жажду общения с людьми духовно близкими и одной профессии. С тоской вспоминаю заседания нашей ученой комиссии под руководством проф. А.И.Ревакина⁷. Живём теперь разединенные по разным углам нашей великой Родины. А так необходимо другой раз поговорить по самым острым вопросам нашей жизни».

Сохранившаяся переписка литературоведов — это прежде всего переписка учёных, в ней отразились этапы источниковедческих разысканий, взаимная помощь в уточнении ссылок, в ней важны небольшие рецензии. В целом она отражает как норму общения высокую требовательность друг к другу. Потому в переписке находим серьезную и принципиальную научную полемику, практически исчезнувшую не только в личном, но и в научном общении на конференциях. Это произошло из-за случившегося в научном сообществе неразличения общения личного и профессионального, потому научная критика стала восприниматься как критика личности. Так, Ю.Г.Оксман писал Е.Г.Бушканцу из Саратова 5.01.1956: «Горячо благодарю за новогодний привет. От всей души желаю вам всех видов благополучия в новом году, который подкрался на этот раз совсем незаметно. Мы с Антониной Петровной собирались встречать новый год в Москве, по пути в Ленинград, но уже трижды поездку пришлось отложить из-за того, что в Саратове я никак не могу закончить того из своих неотложных работ, что входит в программу-минимум. Как ни стараюсь я себя разгрузить от университетских дел, все-таки приходится тратить на эти дела много времени и энергии. Точнее, только “энергии”, ибо времени уделяю я лекциям, кафедре и консультациям в целом в четыре раза меньше, чем в

⁶ Гутман Давид Семенович — преподаватель кафедры литературы Башкирского гос. университета, выпускник Казанского гос. университета.

⁷ Ревакин Александр Иванович (1900—1983) — доктор филологических наук, проф. МГПИ им. В.И.Ленина.

былые годы. От выступлений официальным оппонентом совсем отказался до весны, а весною согласие дал выступить только один раз. Не хотелось бы заниматься и редактированием чужих работ, но по своему характеру вмешиваюсь в издательские дела, так как иначе они — увы — не двигаются. Так произошло со сборником в честь Чернышевского, кот-й в руках Покусаева и Бугаенко застыл. Завтра буду говорить о договоре на него в Област. издат-ве, но едва ли они пойдут на это до сдачи им рукописи. 15 января выходит “Ежегодник СГУ”, весь филологический раздел которого редактирован и подобран мною, в том числе и лингвистические статьи. Вчера видел сигнальный экз-р “Учен. Зап.” (статьи по советской литературе, но в приложении библиография Куприна). Видали ли Вы автореферат докторской диссертации С.А.Рейсера “Н.А.Добролюбов в 1836—1857 гг. (Подготовка и становление лит-ой и общ.-полит. деятельности)”? На последней странице Вам посвящено 10 строк особого примечания, в котором Рейсер довольно резко протестует против Вашей гипотезы о том, что Добр. осенью 1860 г. посетил Герцена. На днях получил от И.Г.Ямпольского последний том “Учен. Зап. ЛГУ” (№ 200), в кот-м много мелочей по истории “Современника” 60-х годов, в том числе и заметка А.А.Алексеева “К вопросу об авторе письма «Русского человека» к Герцену” (стр. 70-78). В этой заметке тоже полемика с Вами, так как автор ее возвращается к гипотезе о принадлежности письма Чернышевского».

Ощущение совместного научного «общего дела» проявляется и в письмах вышеупомянутого орловчанина В.А.Громова, письмах чрезвычайно эмоциональных, свидетельствующих о личностной вовлеченности в литературоведческий поиск, в них много подчеркиваний, комментариев в скобках и пр. В декабре 1986 г. он писал:

«Занятия, заседания, бумаги (никому ненужные...) Как говорится, та-то весть и у нас есть! Но помаленьку кое-что кропаем.

Посылаю Вам к сведению три газетных заметки (на машинке для Пушк<инского> дома это 30 стр.). Посмотрите в свободный часок и, если вспомнится что в связи с этой темой о Л.Н.Майкове, о М.И.Семевском, — черкните при случае (включая свои сомнения).

О Некрасовских чтениях в Ярославле я узнал уже после их окончания, в Иваново тоже не попал (хотя там я был в Программе), а вот в Пензе и — само собой — в Тарханах и Чембаре побывал минувшим летом на 175-летию Белинского. Впечатления мировоззренческие — ей-ей! Надо ездить по городам и весям! Это сильнее книг! Это жизнь!»

Неочевидным, но важным третьим участником диалога являются сами исследования, ради которых и шли в письмах обсуждение и полемика.

Провинциальный литературовед 1950—1990-х годов — это человек особого психологического типа. Его жизнь была драматичным противостоянием обстоятельствам, однако «народническое» мироощущение и «позитивистское» мировоззрение, унаследованные от XIX века, позволяли не терять ощущения смысла своей деятельности [14]. Это культурный деятель в духе земской интеллигенции — человек, искренне счастливый в работе со студентами, смысл жизни которого в архивных и библиотечных открытиях. Не случайно почти в каждом провинциальном вузе был такой человек, которого помнят именно как деятеля и поколения студентов, и горожане. А вместе с уходом этой традиции многие литературоведы оказались в ситуации одиночества и отчаяния.

1. Абросимова В.Н. «Правда всегда одна!» Письма академика Н.М.Дружинина Ю.Г.Оксману // Вестник РАН. 2000. № 12. С. 1120-1126.
2. Абросимова В.Н. Из саратовской почты Ю.Г.Оксмана // Новое лит. обозрение. 1998. № 34. С. 205-230.
3. Азадовский М.К., Оксман Ю.Г. Переписка. 1944—1954. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 410 с.
4. Беглов А. Тусклое стекло [Рец. на: М.Азадовский. Ю.Оксман. Переписка. 1944—1954. М.: Новое литературное обозрение, 1998, 410 с. [Электр. ресурс] URL: <http://old.russ.ru/journal/kniga/98-08-19/beglov.htm> (дата обращения: 01.10.2020).
5. Грибанов А.Б. Ю.Г.Оксман в переписке Г.П.Струве // Седьмые Тыняновские чтения. Рига; М., 1995—1996. С. 495-505.
6. Из архива Гумбольдтского института. Письма Ю.Г.Оксмана к Г.П.Струве / Публ. Л.Флейшмана // Stanford slavic studies. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 15-70.
7. Из переписки Ю.Г.Оксмана / Вступ. ст. и примеч. М.О.Чудаковой и Е.А.Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 96-168.
8. «Искренне Ваш Юл. Оксман»: (Письма 1914—1970 годов) // Публикация М.Д.Эльзона // Русская литература. СПб., 2004. № 1. С. 145-199.
9. Оксман Ю.Г., Чуковский К.И. Переписка. 1949—1969. М.: Языки славянской культуры, 2001. 187 с.
10. Письма Ю.Г.Оксмана к Л.Л.Домгеру // Темы и вариации: Сб. ст. и материалов к 50-летию Л.Флейшмана. Stanford, 1994. С. 470-544.
11. Бушканец Л.Е. Частная переписка как источник изучения психологии провинциального российского литературоведа второй половины XX века [Электр. ресурс] // Toronto Slavic Quarterly, Canada. 2015. November. № 54. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/54/Bushkanec.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).
12. Бушканец Л.Е. Личный архив литературоведа как комплекс источников (на материале архива профессора Е.Г.Бушканца) // Ученые записки Казанского Университета. Т. 154. Кн. 2. Гуманитарные науки. 2012. С. 13-20.
13. Тоддес Е.А. Б.М.Эйхенбаум в 30—50-е годы: К истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции // Тыняновский сборник. Вып. 11. Девятые Тыняновские чтения. М.: ОГИ, 2002. С. 563-694.
14. Чудакова М.О. Обвал поколений // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 260-268.

References

1. Abrosimova V.N. "Pravda vsegda odna!" Pis'ma akademika N.M.Druzhinina Yu.G.Oksmanu ["The truth is always the same!"]. Letters of Academician N.M. Druzhinin to Y.G. Oksman]. Vestnik RAN, 2000, no. 12, pp. 1120-1126.
2. Abrosimova V.N. Iz saratovskoy pochty Yu.G.Oksmana [Saratov's correspondence of Yu.G.Oksman]. Novoe lit. obozrenie, 1998, no. 34, pp. 205-230.
3. Azadovskiy M.K., Oksman Yu.G. Perepiska. 1944—1954 [Correspondence. 1944—1954]. Moscow, 1998. 410 p.
4. Beglov A. Tuskloe steklo. Rets. na: M.Azadovskiy. Yu.Oksman. Perepiska. 1944—1954. Moscow, 1998, 410 p. [Opaque glass [Review on: M. Azadovsky. J.Oksman. Correspondence. 1944—1954. M.: New Literary Review, 1998, 410 p.]. Available at: <http://old.russ.ru/journal/kniga/98-08-19/beglov.htm> (accessed: 01.10.2020).
5. Gribov A.B. Yu.G.Oksman v perepiske G.P.Struve [Y.G.Oksman in the correspondence of G.P.Struve]. Sed'mye Tynyanovskie chteniya. Riga; Moscow, 1995—1996, pp. 495-505.
6. Iz arkhiva Guverovskogo instituta. Pis'ma Yu.G.Oksmana k G.P.Struve / Publ. L.Fleyshmana [From the archives of the Hoover institute. The letters of Yu.G.Oksmana to G.P.Struve / publ. by L.Fleishman]. Stanford slavic studies. Stanford, 1987, vol. 1, pp. 15-70.
7. Iz perepiski Yu.G.Oksmana / Vstup. st. i primech. M.O.Chudakovoy i E.A.Toddesa [From the correspondence of Yu.G.Oksmana / Preface and notes by M.O.Chudakova and E.A.Toddes]. Chetvertye Tynyanovskie chteniya. Riga, 1988, pp. 96-168.
8. "Iskrenne Vash Yul. Oksman": (Pis'ma 1914—1970 godov) // Publikatsiya M.D.El'zona ["Sincerely Yours Yul. Oksman": (letters of 1914—1970). Published by M.D.El'zon]. Russkaya literatura. St. Petersburg, 2004, no. 1, pp. 145-199.
9. Oksman Yu.G., Chukovskiy K.I. Perepiska. 1949—1969 [Oksman, Yu.G., Chukovskiy, K.I. Correspondence. 1949—1969]. Moscow, 2001. 187 p.
10. Pis'ma Yu.G.Oksmana k L.L.Domgeru [The letters of Yu.G.Oksman to L.L.Domger]. Temy i variatsii: Sb. st. i materialov k 50-letiyu L.Fleyshmana. Stanford, 1994, pp. 470-544.
11. Bushkanets L.E. Chastnaya perepiska kak istochnik izucheniya psikhologii provintsial'nogo rossiyskogo literaturovedy vtoroy poloviny XX veka [Private correspondence as a source of study of psychology of provincial Russian literary critic of the second half of XX century]. Toronto Slavic Quarterly, Canada, 2015, November, no. 54. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/54/Bushkanec.pdf> (accessed: 01.10.2020).
12. Bushkanets L.E. Lichnyy arkhiv literaturovedy kak kompleks istochnikov (na materiale arkhiva professora E.G.Bushkantsa) [Personal archive of literary critic as a collection of sources (on the material of the archive of Professor E.G. Bushkanets)]. Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta, vol. 154, part 2: Gumanitarnye nauki, 2012, pp. 13-20.
13. Toddes E.A. B.M.Eykhenbaum v 30—50-e gody: K istorii sovetskogo literaturovedeniya i sovetskoy gumanitarnoy intelligentsii [E.A.Toddes and B.M.Eikhenbaum in 1930—1950s: to the History of Soviet Literary Studies and the Soviet Humanities Intelligentsia]. Tynyanovskiy sbornik, iss. 11. Devyatye Tynyanovskie chteniya. Moscow, 2002, pp. 563-694.
14. Chudakova M.O. Obval pokoleniy [Collapse of generations]. Novoe literaturnoe obozrenie, 2006, no. 77, pp. 260-268.

Bushkanets L.E. Literature researcher in the province as a cultural ascetic. The article is based on the personal archive of the Kazan literature researcher E.G.Bushkanets, which contains unpublished letters of famous Russian specialists in literature studies of the second half of the twentieth century. These materials allow us to raise important questions about the history of literature studies: the analysis of the type of the personality of a provincial literature researcher. Of course, the type of personality determined the specifics of the interpretation of literature and determined the nature of the cultural environment of a provincial city, on the formation of which scholars had a great influence. V.V.Musatov also belonged to this type of person as a cultural ascetic.

Keywords: History of Literary Studies, Cultural Ascetic, Epistolary Heritage, E.G.Bushkanets.

Сведения об авторе. Лия Ефимовна Бушканец — доктор филологических наук (10.01.01 — русская литература), доцент, профессор; Казанский федеральный университет, Институт международных отношений; заведующая кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений; член Чеховской комиссии при Совете по мировой культуре; ORCID: 0000-0002-3581-6320; Lika_kzn@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Бушканец Л.Е. Литературовед в провинции как культурный подвижник // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 18-23. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).14-19

For citation: Bushkanets L.E. Literature researcher in the province as a cultural ascetic. Memoirs of NovSU, 2021, no. 1(34), pp. 18-23. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).14-19